
Как будто из иного мира
Открыткой, найденной среди книг,
Глядит голубизна эфира
В окно, маня, как чайки крик.

Как легок этот миг, как звонко
Поет из прошлого рожок!
Но девичьей рукою тонкой
Уж сорван аленький цветок.

Сурик да охра и уж нехорош виноград
Но где-то скрипка и с грохотом море Эллады
Смерть неизбежна а жизнь неизбежней стократ
Так говорил то что каждая знает цикада

Чивичи фьёре там клином летят корабли
Только любовь правда большая чем sola fide
Охра да сурик но все закоулки земли
Морем омыты как негой лобзаний Киприды

Нет не мигрень это улицы ночью пусты
Это у страха глаза а наутро посмертье
Это и слов-то что лишь у могильной плиты
И на прощание порвать не читая что жалось в конверте.

Травиата

Счастливых и несчастных дней
Чреда бежит. Горит огонь небесный
В душе вечно мятущейся твоей,
Порхающей над самым краем бездны.

И есть восторг в том танце роковом,
Но с каждой ночью звезды смотрят строже,
И набухает темью оком,
На мглу его молчание помножив.

Не скрипнет дверь, не тронет холодком,
Как выйдешь проводить, босые ноги,
И только мысль одна – о чем? О ком? –
Упрямым пульсом бьется в каждом слоге.

Толпятся призраки в глухой ночи...
Уж жизнь прошла, как кончились пирушки!
È tardi! – Виолетта прокричит,
И кровь, как слезы, хлынет на подушку.

Грешна душа, а плоть всегда невинна.
В цветке – лишь красота и аромат.
А я ведь просто вылеплен из глины,
Так как могу быть в чем-то виноват?

Но красоту я чувствую душою,
И, значит, есть души во мне росток.
И в сердце я виновен пред тобою,
Хотя его биением правит рок.

Порабощенные жестокою стихией,
Кораблики на времени волнах,
Мы страстно ловим миги роковые,
Летя на всех цветастых парусах.

Глядит с надеждой с берега Тристан.
Но вера хрупка, а в любви обман.

Долго ль еще мне на солнце глядеть суждено?
Мне неизвестно, что в жизни мне суждено.
В этой безвестности вот что одно утешает –
Что б ни случилось, все это мне суждено.

Спокойно море, в небе тишина.
Струится лунный свет на сны земные...
И ось миров ко мне наклонена,
Как голова твоя во дни былые.

В движениях лень. Бобо давно мертва.
Не хочется ни плакать, ни смеяться,
Ни понимать ненужные слова
О том, что все на свете может стать.

И я стою, безмолвный капитан,
Один на палубе оставшейся мне шхуны.
И где-то – гавани далеких южных стран,
Но счастья в них не возвестили руны.

И волн темных исчезает след,
Как в никуда ушедших поколений,
Под мерное кружение планет
Над всей тщетой прощаний и прощений.

Ах и не нужно ни слова ни краски карминной
Все низачем ни о чем только смотрят бинокли
Только с подмостков сойти и дорогою длинной
В ночь уводящей где месяц серпится дамоклов

Нет там ни чаши с цикуты ни прочих изысков
И ни о чем никому в одинокой постели
Просто в полночные дали уходим по списку
За золотые пшеницы колосья за темные ели.

Зеленый лист в окне, и небо голубое.
Ворона каркает залетною судьбою.
Но, может быть, судьба ко мне добра?
Гляжу, певцов прибавилось – их двое.

Белые деревья,
Старое крыльцо.
Перстенок царевны,
Милое лицо.

Так светло и просто!
Голубеет высь.
Под капли воска
Годы пронеслись.

Ты лукавым жестом
Приподнимешь бровь.
Все твоё наследство –
Вишни да любовь.

Годы канут в Лету
Белым мотыльком,
Всем, что было спето
На крыльце твоём.

Лежит в руинах Рим, и немота
Висит над обесмысленным простором,
Где день уже не тот, и ночь не та,
Лишь филину любезная, да вору.

Утрачены значения слов и снов,
Звучит чужая брань, и пахнет луком,
И лезвия жестоких топоров
Вонзаются в стволы священных буков.

Ткань времени плотна, не приподнять
За краешек.. Тяжелая кулиса...
Что впереди? Того не можем знать,
Но верим кто в гитару, кто в Элизий.

Рассеялись друзья, покинут кров,
И ты за новоявленной звездой
Бредешь песками хладных берегов,
Дыша судьбой и свежестью прибоя.

Речи о непогоде

Ветер качает кроны, треплет листву и кудри,
Птицы летают низко скверной дождя приметой.
В воздухе шум деревьев, сырость бледного утра,
Вскарки ворон, вздохи: «О где же лето?»

Можно списать на возраст, вихри магнитной бури,
Кризис на мировых и вообще эпоху...
Суть же одна: фурий больше, чем гурий.
И это плохо.

Ибо если уж за окном совсем никуда полгода,
Так хотя бы внутри было б лазурно.
Движущемуся вдоль реки не хватает брода,
Вдоль времени – бесстрашия перед погребальной урной.

Время времени рознь: в одно исчезаешь, в другом пребываешь вечно
Как в две тысячи сорок шестом, куда на поезде Маска.
Нет ничего прекрасней с былою любовью встреч, но
Годы смывают краски.

Ветер по белу свету утро на запад гонит,
Неба одежды рвет, будто за ними перси.
Матерь вся земли! Складываю ладони.
Знаю, что твой ответ только один – доверься.

Кудри уж с сединой, скоро и не потрепleshь,
Но, философски глядя, видишь во всем недостаток.
В скудости их больше жизни, чем в горстке пепла,
И дождливый день – тоже по-своему дата,

И ворона – птица. И, в лучшем расположении духа
Отхожу от окна, за которым блекло.
В руки беру – почитаю сидящей на стекле цокотухе –
Томик Софокла.

Не бабочкой мучнистой, не дождевой,
Оброненною небом напоследок,
Но сном, что исчезает за рассветом...

Кому-то остаются фотоснимки –
Тщеславные с пернатыми беседы,
Да тихо куст прошепчет бересклета.

Налетает ветер, шуршит листвою.
Вечные деревья заклатья шепчут.
Нам бы схорониться от зла с тобою,
Нам бы взяться за руки, держаться крепче.

Только лес вокруг, и летают совы,
И лепечешь горько слова обетов,
И остались песни в саду вишневом
Далеко-далёко за жизнью этой.

Бывают такие минуты смятения,
Такие мгновения тоски:
Мне грезятся ивы, и смутные тени
И кони у тихой реки.

Я буду убит там, я знаю, и страшно
И – вольно дышать в той ночи.
Что жизнь? Она только призрак вчерашний,
Остывший огарок свечи.

И маятник строго над ложью нарядной
Качается в горних мирах.
И все неотвязней, и все беспощадней
Зов крови в полуденных снах.

Я жить тороплюсь, ибо жизнь, увы, коротка.
Мгновения несутся при мне, без меня пронесутся века.
О, в радостях жизни себе отказать невозможно!
Жить, о, друг, поспеши, пока еще смерть далека!

Ты склонишься тихой тенью
Над моим покоем темным,
И в далеком сновидении
Станет ясно и легко мне.

Но шагов моих тропинка
Все петляет и петляет
И неузнанной травинкой
Счастье в прошлом оставляет.

Так пахнут розы, будто никогда
Им больше не цвести душистым летом,
И весь свой цвет в грядущие года
Они в мгновении оставляют этом.

Оно царит жужжанием пчелы
И ветерка неспешным дуновением.
И розы так пронзительно милы,
Что забываешь о всевластии тления.

За светом — тьма, за жизнью — смертный час.
Но голос птицы остается в небе.
И золото листвы чарует глаз,
И яд губительный в руке врача целебен.

О, не бледней пред наступлением зла!
Скажи: то просто роза отцвела.

Текут реки,
Земле вторя.
Судьба рекам
Искать моря,

Искать моря,
Смывать берег,
Хранить песни,
Поить зверя.

Текут реки,
Кричат чайки.
А мне в сердце
Ножом дай-ка.

Ножом дай-ка,
А я свистну
Со всей крови,
Чтоб стать чистым.

Умолкло слово, и не стало света,
И пустота молчания звенит.
Смешали судьбы вещие планеты,
Сорвавшиеся с вековых орбит.

Удел наш – ничего. И мимо, мимо
Полночный поезд мчится сквозь леса
Куда-то в нескончаемые зимы,
Где исчезают в белом голоса.

Ни повстречать случайно, ни со смехом
У ручейка протянутой руки...
Какие времена – такое эхо,
Всему, что было мило, вопреки.

И ночь не осчастливит пылью звездной,
И только грусть и сирость на челе.
И все-таки нам никогда не поздно
Рассыпать зерна по пустой земле.